

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В.А. Петрищев

Кафедра экономической теории ТвГУ

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗУМА В СТАНОВЛЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

The author considers necessity and an opportunity of that the public reason will seize a modern social production. It is one of factors of becoming of economic freedom.

Ранее, в статье [6], автор рассматривал объективные условия становления экономической свободы общества и отдельного его члена (продолжительность, профессиональное разделение и производительность труда, норму и величину прибавочного продукта и т.д.) как процесса постепенного (но не абсолютного) уменьшения их прямой зависимости от материальных (природных и созданных людьми) условий существования.

В данной статье в центре внимания выступает субъективный фактор экономической свободы – общественное сознание (разум), регулирующее общественное производство. Но и здесь общественный разум берется не как субъективно-идеальное, а как практическая деятельность по овладению теми производительными силами, которые созданы и функционируют в данный период времени.

Такая деятельность определяется как уровнем развития человеческих сил, так и степенью, и способом их кооперации (а стало быть, величиной синэргического эффекта, достигаемого этой кооперацией) в управлении общественным производством. Причем управление здесь рассматривается не в смысле менеджмента, а как отношения людей по их участию (соучастию) в организации общественного производства. И в этом смысле такое управление и предполагает, и отражает: 1) тип общественного производства (рыночный, государственно-корпоративный и т.д.); 2) достигнутый уровень развития общественного разума.

В настоящее время общественный разум представлен, прежде всего, как экономическая политика государства, а, кроме того – политика

(решения) собственников и предпринимателей, поведение наемных работников на основе их решений (работать – не работать, учиться или нет, бастовать или воздержаться, участвовать в управлении или нет), решения и поведение общественных организаций, научная (производственно-техническая и экономическая) информация, информация СМИ.

Способен ли ныне существующий общественный разум овладеть общественным производством, его производительными силами? Вероятно, отчасти «да», но в значительной мере «нет». Такое суждение подтверждается, прежде всего, эмпирически: техногенными, экологическими и гуманитарными катастрофами, а также периодическими экономическими кризисами. Последние ярко свидетельствуют о разрыве между современными производительными силами и общественной деятельностью по управлению ими (общественным разумом). Производительные силы не соответствуют информационно-интеллектуальным силам [1, с. 211], а точнее наоборот.

В частности, это несоответствие между объективной материальной структурой общественного производства и его целевой направленностью, т.е. достижением частных целей с помощью общественных производительных сил. В этом смысле экономические кризисы объективно обусловлены, но немалая «заслуга» в их существовании – уровень развития современного общественного разума и его деятельность по управлению экономикой, не соответствующие уровню обобществления процесса производства. Здесь напрашивается сравнение: обезьяна с палкой – это нормально, но обезьяна с автоматом – это беда. Поясню это сравнение.

В эпоху господства ремесла и мануфактуры существует частное производство. Ему соответствует частное присвоение, общественный разум представлен как хаотическое взаимодействие частных разумов в процессе конкуренции. Государство на этом этапе присутствует экзогенно – нормами права. Здесь господствует всеобщая вещная зависимость частных субъектов. Их экономическая свобода минимальна, но крупных экономических потрясений нет.

Возникновение крупного машинного производства, углубление разделения труда, кооперации дают материальный базис некоторой экономической свободы, но общественный разум по-прежнему представлен хаосом частных разумов. Это объясняется и критикуется экономической наукой, но не используется в регулировании общественного производства, поскольку господствует частное присвоение.

Современный государственно-корпоративный капитал на базе автоматизированного машинного производства и постиндустриальных технологий частично «снимает» рынок, регулирует экономику в пользу монополий, особенно финансовых. Финансовая плесень на реальной экономике позволяет последней делать судорожные рывки роста, но одновременно ведет к накоплению громадных диспропорций, обрушивающихся в виде финансово-экономических кризисов, разрушающих и ту часть общественного производства, где диспропорций не было. Очистить общественным разумом эту плесень в рамках государственно-корпоративного устройства вряд ли возможно.

Следует ли отсюда, что необходимо «срочно» преобразовывать общественный разум, так чтобы наступило его соответствие общественному производству? Или еще категоричнее – нужно ли и возможно ли, чтобы общественный разум опережал наличное бытие, существующее объективное устройство общественного производства, направлял последнее на эколого-гуманистические цели. Но если даже «срочно» всех обязать к получению высшего образования и при этом сократить рабочий день, то это не ведет ни к действительному образованию (самообразованию), ни к освоению науки и искусства, заменяя их (при существующем разделении труда) многочасовым сидением у телевизоров [2, с. 14]. Другая часть общества, уставшая от сытой и праздной жизни, погружается в мистику, блуд и шоу. И Бог бы с ними. Но остальные им подражают. «Звездами» становятся не создатели ресурсов, а их потребители и развлекатели. Мировой прогресс раньше символизировали имена Эйфеля, Эдисона, Эйнштейна, Маркса, Нобеля, Дизеля. Сегодня в начале XXI века становятся «звездами» иные люди: Шварцнеггер, Бэкхем, Мадонна, Тайсон, Маккартни, Кидман, Версаче, Шумахер.... И практически никто сегодня не знает, чьи имена стоят, скажем, за такими достижениями человечества как компьютер, мобильный телефон или структура молекулы ДНК.

А главное не все материальные проблемы современности человечеством уже успешно решены, а людям только осталось забавляться искусством и спортом. Наоборот, продовольственный, энергетический и жилищный кризисы демонстрируют противоположное, а общественный разум явно «неразумен».

Кроме того, для опережающего развития общественного разума нужны большие средства, а они отвлечены на другие «нужды» капитала, в частности на шоу-бизнес во всех многообразных его проявлениях.

Но главное, как известно, общественное бытие определяет общественное сознание (последнее влияет на первое). Сознание отдельного человека может стать выше (или вне) общественного бытия, но общественное сознание, как правило, не может полностью охватить (отразить) общественное бытие хотя бы из-за асимметрии информации, пропаганды, рекламы и т.п. Критика современного бытия в общественном сознании не означает возможность «резкого» изменения общественного бытия и сознания. А вот деградация общественного бытия явно (заметно) ведет к деградации общественного разума и поведения [2, с. 16].

Призывы к созданию разумного общества и разумного правительства [3, с. 183-185], пожелания – подчинить объективные законы общественному разуму [1, с. 211], конечно, прекрасны, но утопичны в рамках общественно-экономической системы государственно-корпоративного капитала. А призыв – перейти от стихийной к разумно управляемой экономике [1, с. 46] означает пожелание перейти к нерыночной экономике. Это возможно (в перспективе), но не как управление из «мозгового центра» [1, с. 116], а как переход к коллективному производству (коллективному труду и коллективному управлению) – действительной сфере экономической свободы.

Наконец, общественный разум мало присутствует в рыночном процессе, который в основе идет стихийно. Так, например, во всяком акте рыночного обмена ($T - T$ или $T - D - T$) происходит абстрагирование от частного труда, воплощенного в товарах. Такой процесс абстрагирования включает отвлечение от частных средств производства, используемых каждым производителем. Даже если он (процесс абстрагирования) теоретически познан, он не может быть совершен сознательно – дело происходит «за спиной» субъектов обменной сделки. Равным образом обстоит дело и с отвлечением от частной рабочей силы, которая должна быть (но не есть в большинстве конкретных рабочих сил) до и в актах купли-продажи общественно-нормальной.

Некоторая доля частного и общественного разума присутствует в оценке качества товара. В обмене оно должно быть нормальным. Такая оценка выражается общественным разумом в стандартах, а в приближительном варианте дается частным разумом по полезным свойствам и по сравнительной степени удовлетворения разных потребностей.

Таким образом, основной закон рыночной экономики – закон стоимости – имманентно требует для своего осуществления стихийного

движения частных ресурсов (капитала и труда) по родам и видам производства. Общественный разум здесь присутствует в виде правовых норм этих процессов как противодействие недобросовестной конкуренции (рыночный и отраслевой). Присутствие государства (как общественного разума) с точки зрения закона стоимости излишне (о чем постоянно говорит либерализм). И когда полагают, что государство по отклонениям цен от стоимости должно регулировать пропорции производства [4, с. 25], что «государство создает условия, способствующие обмену по ценам, близким к стоимости» [4, с. 26], то не понимают, что такую «работу» может выполнить только свободная конкуренция, а государство (в лучшем случае) может «бороться» с монопольно высокими ценами, где закон стоимости утратил свое действие.

Если государство действительно «борется» с монопольно высокими ценами, то, во-первых, это уже не рыночные отношения, а проявление общественного разума и, во-вторых, государство остается здесь силой, стоящей над рыночными отношениями. Да, «знание объективных законов позволяет обществу (в лице государства) формировать необходимые условия, в которых действуют или не действуют те или иные законы» [4, с. 22]. Но «позволяет» не означает, что современное государство будет это делать, если оно бюрократическое и выражает, в конечном счете, интерес монополистического капитала. Кроме того, знание объективных законов не позволяет создать такие условия, чтобы, (не отменяя самих существующих рыночных структур), не рождались негативные следствия для общественного производства. Невозможно устранить «дурную» сторону явления, не устранив и «хорошую», т.е. не устранив само явление в целом.

Все, что обеспечивает развитие производительных сил (в том числе человеческих) есть разумная деятельность. Она включает и предпринимательскую, и трудовую, и образовательную, и здравоохранительную. Это, например, производство более благоприятных условий труда, более совершенных орудий труда, научная организация труда, общее и профессиональное образование, охрана здоровья и экологической чистоты окружающей среды, что повышает степень экономической свободы.

Но все, что ведет к застою и деградации производительных сил (в том числе – и к разрушению структур общественного разума) есть одновременно создание антиблаг (например, шоу, включая рекламу), что порождает снижение степени экономической свободы.

Может ли общественный разум поддержать первое направление и остановить второе? И не просто сделать такой разумный выбор, но и реализовать его на деле?

В границах крупной исторической линии такого выбора нет. «Экономические законы проявляются не в каждом отдельном явлении или процессе, а во всей их совокупности на достаточно длинных отрезках времени, в результате они определяют общую логику экономического развития, основную линию, стратегическое направление развития» [4, с. 22]. В этом смысле общая перспектива, крупная историческая линия – гуманистически-ноосферная [5, с. 28], линия становления экономической свободы. В частности, такое направление развития как сетевое взаимодействие субъектов общественного производства на базе ИКТ реализует крупную историческую линию – становление коллективного производства и разума.

Но «тот же конкретный вид, который примет экономическая действительность во многом зависит от людей и их сознательной деятельности» [4, с. 22]. В этих границах существует многовариантность будущего, его зависимость от общественного разума. Последний, однако, сам в основе подчиняется крупной исторической линии общественно-экономического развития.

1. Ноосферизм: арктический взгляд на устройство развития человечества и России. – СПб. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2007, кн. I. – 488 с.
2. Шупер В.А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития// Вопросы философии. – № 12. – С. 3-21.
3. Оуэн Р. Избр. соч., т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
4. Безверхая О.Н. Объективные экономические законы как основа формирования экономической политики государства//Журнал экономической теории, 2008. – № 12. – С. 19-36.
5. Шерешева М.Ю. Соотношение понятий «информационная экономика» и «экономика знаний»//Вестник МГУ. Серия «Экономика». – 2008. – № 5. – С. 24-31.
6. Петрищев В.А. Понятие и ступени экономической свободы// Вестник ТвГУ. Серия «Экономика». Выпуск 8. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2008. – С. 4-10.